

Иван Ефремов

Дорога ветров

ФТМ

Иван Ефремов
Дорога ветров

«ФТМ»

1955

Ефремов И. А.

Дорога ветров / И. А. Ефремов — «ФТМ», 1955

Настоящую книгу следует рассматривать как заметки путешественника, знакомящие с областью Центральной Азии, а также с некоторыми достижениями палеонтологической науки. Описания неповторимой красоты гобийской природы, трудностей и тягот работы в пустыне, задач экспедиции, раскрытие научных достижений – все, написанное в книге, – подлинная правда.

© Ефремов И. А., 1955

© ФТМ, 1955

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Иван Ефремов

Дорога ветров

Предисловие

В 1946–1949 годы мне пришлось руководить тремя последовательными палеонтологическими экспедициями Академии наук СССР в Монгольскую Народную Республику. Экспедиции работали в южной части республики – в полупустыне Гоби.

Природа Гобийской Монголии мало освещена даже в монгольской литературе. «Тридцать три великих Гоби» воспеваются в древних сказаниях, но скорее как символ необъятных просторов страны, чем как излюбленное место для жизни. «Лучше быть хангайским быком, чем гобийской девушкой», – говорила старая пословица, отражая исконное стремление скотоводов к более при вольной жизни в травянистых степях Хангая, изобилующих речками, родниками и ключами.

Теперь, с коренными изменениями в жизни монгольского народа, отношение к Гоби изменилось. Автомашин побуждают громадные пространства, число колодцев увеличивается с каждым годом, перекочевки упорядочены и заранее планируются. Однако и в современной монгольской литературе Гоби уделено недостаточно внимания. В прошлом гобийская часть республики была областью преимущественно верблюдоводства. Верблюды обслуживали великие караванные пути из Центрального Китая в его западные провинции и в Россию. Эти пути пронизывали насквозь всю Монголию именно по южной, гобийской, части страны и в совокупности носили название «Ветровой дороги», или «Дороги Ветров». Другая великая караванная дорога, называвшаяся «Обходной», шла по Внутренней Монголии и выходила в Синьцзян через провинцию Ганьсу, но по ней караваны ходили реже, чем по Дороге Ветров, – трудны были многочисленные крутые перевалы.

Маршрут нашей экспедиции проходил в области Дороги Ветров – Северной Гоби – и притом в наименее населенных ее районах.

Поэтому пусть не посетует читатель на малое знакомство автора с Монгольской Народной Республикой в целом. О ее народе и экономических успехах уже написано немало хороших книг. Для меня, работавшего в пустынной Гоби, создание книги о всей Монголии было бы самонадеянной и безуспешной попыткой.

Сначала мне хотелось написать книгу о советской научной экспедиции, рассказать о самоотверженном труде коллектива ее участников. Однако обилие наблюдений в никем еще не описанных местах своеобразной и необычной географической области мира заставило меня отклониться от прежнего плана. Большое количество заметок о гобийской природе было бы недопустимо оставить втуне. После завершения экспедиции трудности работы в пустыне и различные походные приключения показались мне маловажными, обычными. Нисколько не меньшие тяготы испытывают десятки тысяч работников наших геологических партий, строители гидроэлектростанций, механизаторы, осваивающие целинные земли, и все те, кому приходится бороться с природой в открытую, без защиты прочного быта города или села.

Пусть простят мне мои товарищи, что мне не удалось в этой книге отдать должное их дружной, смелой и терпеливой работе. Описания гобийской природы, задач экспедиции, раскрытие научных достижений заняли в ней почти все место. Настоящую книгу следует рассматривать как заметки путешественника, знакомящие читателя с интересной областью Центральной Азии, а также с некоторыми достижениями советской палеонтологической науки. Ни одного слова выдумки, ни не соответствующего действительности приукрашивания или художественного преувеличения в книге нет. Все написанное – подлинная правда. Если

после прочтения настоящей книги у читателя при словах Хонгор, Нэмэгэту, Цаган-Богдо возникнут перед глазами картины, рисующие черные пустыни Заалтайской Гоби, если читатель услышит шелест дериса на большой караванной тропе и если перед ним оживут торчащие из обрывов белые кости вымерших животных – тогда цель моей книги можно считать достигнутой.

Автор

Апрель 1955 г.

Книга первая

Кости дракона (Лууны яс)

Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Там, в горах Унэгэту, лежат теперь эти остатки. Голова с туловищем упали на полтора уртонга дальше на запад в горах Цзосту-Ундур-Хара. Вот каких размеров дракон!
Старая монгольская сказка

Глава первая

Древняя суша

*Человек с друзьями – как широкое поле,
человек без друзей – как пустая горсть.*
Пословица

В Монгольской Народной Республике, в южной ее половине, на обширнейших просторах полупустыни Гоби все напластования земной коры открыты взгляду ученого. Высокогорное плато в самом центре Азиатского материка – Монголия в отдаленные времена земной истории была сушей, на которой семьдесят миллионов лет назад жили огромные ящеры – динозавры, бывшие владыки Земли. Позднее ящеры вымерли, их сменили высшие животные – млекопитающие, которые сначала были странны, неуклюжи и сочетали в себе как бы смесь признаков самых разнообразных видов. Затем, около десяти миллионов лет назад, появились новые животные, уже совсем мало отличавшиеся от ныне живущих.

Вот этот отрезок геологической летописи нашей планеты – последний период господства ящеров и вся история млекопитающих – записан в слоях горных пород Монголии, вскрытых силами атмосферного разрушения.

В глубоких межгорных впадинах, огражденных голыми скалистыми хребтами, у подножий этих хребтов, в безводных и почти ненаселенных местностях гобийских районов Монгольской Народной Республики лежат бесценные сокровища науки. Наблюдательные, до тонкости изучившие родную природу сыны Гоби – араты-скотоводы – давно уже знали о гигантских костях, вымытых из горных пород весенними водами и ливнями, там и сям лежащих на склонах обрывов и на дне ущелий. Народ знал, что это именно кости, а не что-либо иное, но, не будучи в силах дать истинного объяснения их появлению здесь, в наиболее мертвых и безводных участках Гоби, принужден был верить религиозным сказаниям лам о существовании драконов – священных животных неба. Так появилось и название ископаемых костей – лууны яс (кости дракона), хотя более проницательные и менее легковверные называли их просто чулу-туин яс (каменные кости).

Когда окончилась Великая Отечественная война, правительство Монгольской Народной Республики обратилось к советским ученым – палеонтологам – с приглашением приехать в Монголию для изучения ископаемых животных. Академия наук СССР решила направить в Монгольскую Народную Республику специальную экспедицию.

Экспедиция проработала в Монголии 1946, 1948 и 1949 годы, открыла местонахождения исполинских динозавров и древних млекопитающих, извлекла из красно-цветных отложений древней азиатской суши целые скелеты хищных, растительноядных, утконосых и панцирных

динозавров, крокодилов, исполинских черепаш, открыла залежи ископаемых деревьев, распала скелеты древнейших крупных млекопитающих.

Сейчас часть скелетов можно увидеть в Палеонтологическом музее в Москве, другие находки выставлены в музее Улан-Батора.

Работы экспедиции полностью опровергли представление о древней суше Азии как об извечной пустыне и позволили представить, какой была на самом деле Монголия шестьдесят миллионов лет назад – раскинувшаяся у морского побережья обширная низменная страна с болотами и богатейшей растительностью.

* * *

В пути из Москвы в Улан-Батор я не переставал думать об экспедиции, стараясь представить себе высокое плоскогорье в самом центре Азиатского материка – Монголию...

Волны барханных песков Черной Гоби уходят на юг, во Внутреннюю Монголию, в Китай. К северу от песков широкий пояс каменистой полупустыни занимает южную, гобийскую, половину Монгольской Народной Республики. Там, в жарких безводных котлованах – впадинах между хребтами, – залегают красноцветные породы. Это пески, глины и песчаники, некогда отлагавшиеся в устьях рек Центральноазиатской суши, которая не покрывалась морем последние сто тридцать миллионов лет. В этих породах сохранились неприкосновенными остатки самых различных наземных животных, населявших Центральноазиатский материк от меловой эпохи до наших дней, – исторические документы великой лестницы эволюционного развития животных от неуклюжих, безмозглых ящеров до быстрых и сообразительных млекопитающих – ближайших родичей человека.

Здесь должны быть сохранены свидетельства великого вымирания гигантских ящеров – динозавров...

Найти эти документы, извлечь их из горных пород, доставить в Москву, в лабораторию Академии наук – такова задача будущей экспедиции. И не только это: необходимо изучить самые породы, восстановить по ним условия их образования, климат и характер древней азиатской суши, условия существования и гибели животных – все это нужно выполнить вместе с поисками и раскопками окаменелых костей.

Только тогда наблюдения экспедиции послужат прочной основой для науки. В лабораториях института и музея шаг за шагом будет воссоздана величественная перспектива истории жизни на Земле, уходящая далеко в бездонные глубины времени...

Первые находки костей ископаемых животных в Центральной Азии сделал наш геолог-путешественник, покойный академик В. А. Обручев. Во впадине Кульджин-Гоби, в пределах Внутренней Монголии, на склонах обрывов, в лабиринте оврагов и промоин сохранились кости титанотериев и водных носорогов, живших тридцать миллионов лет назад. Зуб носорога, доставленный в 1894 году из этого малоизвестного места В. А. Обручевым, послужил впоследствии (в 20-х годах нашего столетия) академику А. А. Борисяку отправной точкой для широких обобщений, доказавших, что огромное число животных обитало в прошлые геологические периоды на Центральноазиатской суше и дало начало животному миру всей Евразии и отчасти Африки.

Молодой Советской республике в первые годы своего существования трудно было организовать сравнительно дорогие экспедиционные исследования в Центральной Азии. Это сделали американцы. После первой мировой войны в Америке накопилось много золота, и частные пожертвования дали возможность большой Центрально-азиатской экспедиции, организованной Нью-Йоркским музеем естественной истории, проработать несколько лет во Внешней и Внутренней Монголии. Открытия, сделанные этой экспедицией: яйца динозавров, древнейшие млекопитающие, множество огромных титанотериев со странными выростами черепа

и ряд скоплений остатков более мелких ископаемых животных, – все это имело крупный научный интерес и сопровождалось шумной рекламой, способствовавшей сбору денег.

Однако начатые этой экспедицией в 1922 году работы на территории Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии по старому географическому обозначению) после 1925 года были запрещены народным правительством. Вскоре и китайское правительство запретило, со своей стороны, американской экспедиции работать во Внутренней Монголии (составляющей часть территории Китая) по аналогичным причинам нарушения суверенитета страны. Я помню массивный том, который вышел в те годы, в желтой обложке, с глубоко оттиснутым английским заглавием между вязью монгольских писмен. Сколько раз я осторожно переворачивал вклейки великолепных фотографий, задумчиво смотрел на горделивое заглавие «Новая победа в Центральной Азии».

Сменялись изображения грозных барханов, процессий легковых автомобилей с звездными флагами, громады верблюжьих караванов и роскошных завтраков с салфетками и бокалами на фоне пустыни... Описание работы экспедиции носило рекламный характер и занимало весь толстенный том, в котором затерялись, отступив на задний план, немногочисленные страницы, посвященные собственно научным открытиям.

Маршруты американцев прошли вдоль Великого Монгольского караванного пути. В книге часто упоминались опасности, подстерегавшие путешественников при малейшей попытке уклониться на машинах в сторону от караванной тропы. Районы, где американские исследователи нашли самые богатые скопления костей, были описаны своеобразно. Как будто бы все нужные сведения сообщались в книге, но в то же время не было никакой возможности определить точное географическое положение этих мест.

Я вспомнил, что этот недостойный ученых маневр удивил меня еще тогда, когда я совершал свои первые шаги в науке и восторгался успехами американской экспедиции.

Теперь благодаря исследованиям советских ученых в Монгольской Народной Республике стало известно, что ископаемые кости встречаются в МНР несравненно чаще в большем числе мест.

Сокровищница документов прошлой жизни в отложениях мезозоя и кайнозоя, МНР предстала теперь не случайными обрывками отдельных «удачных» находок, а как гигантское вмещище целого отрезка истории наземного животного мира. Изучение его могло быть выполнено только в результате большой, упорной и трудоемкой работы в течение ряда лет.

Четверть века неосуществленных мечтаний сделала задачу совершенно ясной, и оставалось только подсчитать, что реально мы сможем сделать нашими силами.

Теперь «зашифрованные» местонахождения американцев нам не были нужны. Мы пойдем другим путем – за четверть века развития советской науки у нас выработались свои методы! Мы изучили закономерности тех процессов, которые формируют в истории Земли страницы геологической летописи, – те пласты, слои горных пород, в которых захороняются, превращаются в камень, сами становясь частью породы, остатки древних вымерших животных. Узнали, что большие скопления окаменелых костей образуются не случайно, а в результате совпадения совершенно определенных процессов, которые можно учесть. Узнали, что распределение этих местонахождений в пластах земной коры также подчинено определенным законам, изучением которых занимается новая отрасль геологических наук – тафономия.

Вооруженные этими знаниями, мы могли идти в гобийские просторы для систематической, планомерной работы, постепенно разгадывая одну за другой тайны природы...

Работать придется в безлюдных и безводных местах, куда нужно завезти рабочих, продукты, инструменты, необходимые для раскопок, лес, гипс, ящики, бумагу, гвозди, вату; нужны лебедки, тросы, тали: ведь средний вес каждого скелета динозавра – несколько тонн; придется наладить снабжение водой на больших расстояниях от колодцев и, наконец, вывозку десятков тонн коллекций из глубины бездорожья Гоби.

Все эти задачи могут быть решены только мощным автотранспортом. Именно он и составляет решающее звено в организации экспедиции. А от перевозок вьючным способом, верблюдами, необходимо решительно отказаться: слишком много требуется времени и слишком мало груза поднимает верблюд. Вьючных животных выгодно использовать лишь для коротких перевозок местного характера – подвоза воды, проезда в непроходимых для автомашин местах.

Для первого года работ, разведочно-ознакомительного, будет организована небольшая экспедиция, для последующих – крупная, на тяжелых грузовых машинах...

Так, медленно, но четко обрисовались окончательные формы организации палеонтологических исследований в Монгольской Народной Республике. И спокойная уверенность приходила на смену тревогам и волнениям.

* * *

...Самолет сильно качнулся с крыла на крыло, клюнул носом и продолжал стремительно лететь дальше, время от времени встряхиваясь, словно желая сбросить с себя тонкую пленку воды, облипавшую его металлическое тело. Непроглядный туман рассеивался. Рваные серые клочья медленно расползались внизу и открывали землю. Слева засияли широкие столбы солнечного света. Мокрые, вибрировавшие на концах крылья вспыхивали солнечными бликами.

А внизу по-прежнему толпились сопки, теперь безлесные, покрытые лишь подсохшей травой. Гладкие склоны походили на бока сытых верблюдов в короткой и светлой летней шерсти. Туман исчез, чистое небо ярко голубело. Самолет понемногу снижался, направляясь вдоль асфальтового шоссе.

Вот машина легла на крыло, шум и давление возникли в ушах. Направо блеснула река Тола («Зеркало») и белые домики...

– Курорт Сангино, сейчас будет Улан-Батор! – воскликнул спутник-монгол.

Еще несколько минут – и самолет покатился, вздымая пыль, по ровному участку сухой степи в кольце невысоких безлесных гор.

Удивительно чистое высокое небо излучало сухой зной. Солнце, отражаясь от беленых стен домиков, слепило глаза. Сонные коровы вяло бродили поблизости. Кругом полная тишина, приятная для ушей, натруженных ревом самолетных моторов. Едва ощутимый ветерок принес запах полыни, сильный и свежий...

Здесь, в столице Монгольской Народной Республики, нам пришлось провести месяц. Надолго запомнился мне осенний Улан-Батор, впервые увиденный в 1946 году. Спокойные, ясные дни с могучим сверканием солнца в чистейшем горном воздухе, ночи звездного изобилия с неизменным воем бесчисленных псов. Западная часть города – остаток старой Урги – лабиринт узеньких пыльных улочек, обнесенных частоколами из тонких неокоренных листовенных бревнышек. Эти бревнышки поставлены вплотную друг к другу и отгораживают вытоптанные дворы с юртами или маленькими одноэтажными домиками – то, что по-местному называется хошаном. Такие же листовенные частоколы и хошаны разбросаны и в других частях города, но там они рассечены, оттеснены или попросту уничтожены победным шествием нового города и массивами красивых, преимущественно белых зданий, учреждений и жилых.

Университет тогда был почти закончен и гордо вздымал дугу высоких белых колонн на фоне конических вершин гор Чингильте. На гигантской площади с памятником Сухэ-Батору вырастали новые здания – государственный театр, кинотеатр, гостиница, а немного поодаль, ближе к реке Толе, росло величественное здание библиотеки. Возле, в простом и суровом еще кирпиче или выбеленных и отделанных синими панелями зданиях, обрисовывались чистые и светлые архитектурные формы.

Эти новые стройки так резко контрастировали с угрюмой изолированностью и теснотой глухих частоколов, надменностью громадных, но с низкими входами ворот бывших богатых дворов, грязью и пылью Заходыра (толкучка на базарной площади), скученностью и одиноким трудом лавочек китайских кустарей в старом городе, что самому ненаблюдательному и незнакомому со страной приезжему новая жизнь Монгольской республики говорила сама за себя, не требуя никаких дополнительных разъяснений.

В Улан-Баторе новые дома, большие и малые, белые с отделкой из любимой в Монголии яркой и чистой синей краски. На солнце эти дома кажутся радостными и легкими, но особенно хороши они, если смотреть поверх них на юг, где высится над городом зеленая, с серыми выступами скал и плоской гольцовой вершиной громада Богдо-улы («Святая»).

Гора-заповедник, последний отрог Хэнтейской (Хэн-тей – «Сердитый») тайги, выдвинувшийся на юг, одинокий среди степной зоны Улан-Батора, всегда привлекает внимание жителя города. Ее облик изменчив и отражает все быстрые перемены здешней погоды.

Разные краски, угрюмые и веселые, бегут, сменяясь, от серых гранитных полей вершины через черноватую зелень высоких кедровников к светло-зеленым бархатистым безлесным склонам нижних уступов, там, где белыми камнями выложены монгольские надписи и римские цифры в честь двадцатипятилетия Народной республики.

В сентябре погода была неизменно ясной и тихой. Богдо-ула, казалось, надела золотой пояс – так ярко желтели в солнечном свете осенние лиственничные леса. И серые скалы, и хмурые темные кедровники как будто впитывали в себя оранжевые отблески, светлея и радуясь...

Но гораздо больше привлекала меня линия удаленных голых гор, правее от величественной Богдо-улы, там, где шел тракт в Южную Гоби. Туда, к этой часто застилавшейся пыльной дымкой дали, постоянно устремлялись мысли, пока шла подготовка к полевым работам и волей-неволей приходилось задерживаться в Улан-Баторе.

Дружеская встреча в монгольском Комитете наук, неизменная поддержка и помощь в советской миссии и торгпредстве ободрили нас с первых же шагов. Мы быстро подружились с немногими советскими специалистами, работавшими в университете. Комитете наук и других организациях. Гобийская часть республики была почти совсем неизвестна молодой монгольской геологии, поэтому нам старались помочь сбором всевозможных сведений о «костях дракона», старых записей и отчетов путешественников.

Сотрудники Комитета наук усердно учили нас сложной монгольской вежливости и пословицам, посмеиваясь над нашим нелепым произношением. Нас, новичков в Монголии, восхитила романтическая красочность монгольского языка. Комитет наук, по-монгольски «Шинж-лех Ухааны Хурэлэн», в точном переводе назывался «Круг Мудрых Изучающих». Ученый секретарь (нарин бичгийн дарга) переводился как «начальник тонкого письма». Даже моя, весьма сухая, должность в Академии наук, где я заведовал отделом древних позвоночных Палеонтологического института, после перевода на монгольский звучала, как «лууны яс хэлтэс дарга» – «начальник отдела драконовых костей»!

День за днем мы оборудовали склад, завозили горючее, делали железные печки для палаток, чтобы работать, не боясь ночных морозов, доставали деревянные бочки для воды, кошмы, заготавливали нужные продукты.

Мы спешили, но и время летело необычайно быстро. Наконец троим из нас – Ю. А. Орлову, В. А. Громову и Я. М. Эггону – удалось отправиться в Гоби в качестве передового отряда для устройства базы. Было решено начать работу с наиболее удаленных и трудных мест в Южногобийском аймаке (областном центре). Многие советовали нам начать с Восточной Гоби, более близкой и более доступной. В ней при геологических работах последних лет было обнаружено много мест с остатками ископаемых костей.

Но мы все же направились в Южную Гоби: там, в неизученных районах, были огромные массивы красных пород – отложений древней Центральноазиатской суши. В больших впади-

нах между недавно поднявшимися хребтами мы надеялись открыть богатые местонахождения остатков ископаемых животных. Иными словами, в Восточной Гоби нас ждал верный успех средней руки; в неизведанных районах Южной Гоби – провал или крупный успех. Мы не могли в первой экспедиции довольствоваться средним результатом и поехали в Южную Гоби...

К началу сентября окончательно определился и состав экспедиции: три профессора-палеонтолога, два опытных препаратора и три шофера. К нам присоединились переводчик Лубсан Данзан, только что окончивший Московский университет, геолог, прикомандированный от Комитета наук МНР, а также повар и пятеро молодых рабочих.

Наши научные силы скомбинировались удачно. Директор Палеонтологического института профессор Ю. А. Орлов был наиболее крупным в СССР специалистом по ископаемым млекопитающим, профессор В. И. Громов – по позднейшим млекопитающим и по четвертичной геологии, я занимался ископаемыми пресмыкающимися и геологией древних материковых отложений.

Наши весьма опытные лаборанты, или препараторы-палеонтологи, – разносторонние специалисты, не только умеющие извлекать ископаемые кости из крепких пород, в которые они заключены. Препаратор – это искусный человек, знающий и раскопки, и монтировку скелетов вымерших животных в музее, умеющий изготавливать гипсовые реконструкции – восстанавливать недостающие части и куски – и многое другое.

Более всего сходны препараторы-палеонтологи с реставраторами у археологов и историков, а хорошие умельцы, конечно, редки и подчас важны для науки больше, чем иные научные сотрудники. Таким умельцем на все руки, вдобавок еще скульптором и резчиком по дереву был наш начальник раскопчного отряда Я. М. Эглон – самый опытный раскопщик. Другой препаратор – М. Ф. Лукьянова, единственная женщина в экспедиции, была искусным специалистом по очистке костей от породы, их закреплению и сохранению.

Наш автотранспорт состоял из трехосной трехтонки и двух полутонатонных грузовиков ГАЗ-АА. Трехтонка предназначалась для основной перевозки грузов и коллекций на базы, а также как бензовоз в дальних маршрутах, а полутонки – как легкие машины для всевозможных разъездов.

И вот наконец я выехал из Улан-Батора в середине сентября, чтобы присоединиться к своим товарищам, которые отправились немного раньше и уже совершили два коротких маршрута в районе Далан-Дзагада («Семьдесят источников») – аймачного центра Южной Гоби, выбранного нашей опорной базой для южногобийских исследований.

В Улан-Баторе установилась холодная погода. На горах вокруг города выпал снег. От Богдо-улы до низких и угрюмых гор Чингильте на севере небо было закрыто сплошным покровом белесых туч. С востока вершины гор Баин-Дзурх («Богатое сердце») отдавали розовым – там солнце начало пробиваться сквозь облачный покров.

Холодный ветер врывался в кабину. Раскачиваясь и сотрясаясь, тяжело нагруженная машина ползла по бесконечному подъему. Слой снега вокруг был очень тонок, из него выступали и мелкие камни, и пучки ковылька. Поэтому вместо ровной снежной белизны склоны казались пестрыми. Черная щебенка со снегом давала чистый серый тон на откосах, а трава, торчавшая из-под снега, окрашивала горы бледной желтизной.

Дорога – собственно, накат по каменистой, щебнистой почве – поднималась по сквозной долине на перевал. Все ниже ползли суровые тучи, все сильнее свистел холодный ветер, и казалось, негде укрыться от холода в пустынных равнинах Гоби в столь позднее время года.

Орлы сидели поодаль на холмах, и хмурый вид хищников гармонировал с угрюмыми низкими тучами. Кое-где важные тарбаганы цепенели пеньками от любопытства и всматривались в машину, затем поспешно бежали к норам, смешно виляя жирными задами.

Песчанки во множестве сутились на дороге, ныряли в едва заметные дырки в плотно укатанной почве от грозных, налетавших, как смерч, колес.

– Чего эта мелочь роется на самой дороге? – спросил водитель трехтонки, шофер Андросов.

– Дело простое. На дороге земля укатана, не осыпается над входом – значит, нору вырыть гораздо легче. И сама нора крепче – дольше стоит и трудно разрыть...

– Вот как! Значит, это неспроста?

– В природе ничего «спроста» не бывает!

Слева от дороги, на маленькой ровной площадке перед отвесным утесом, лежал труп верблюда, застывший в необычной позе – с подогнутыми под себя ногами и высоко вытянутой вверх шеей. Череп свалился и лежал рядом, а мертвый верблюд, как мрачная статуя, казалось, стерег пустынную долину...

Вообще по дороге часто встречались верблюжьи трупы – в предшествующую зиму животные гибли от снежных заносов в горах.

Мы выбрались из долины и остановились у громадной каменной кучи – обо, чтобы подождать отставшую полуторку. Это обо высотой в полтора метра было сложено из гладких, скаланных камней, поднятых сюда из речных долин проходившими здесь караванами.

Обо, если находится на перевале, всегда безошибочно указывает его высшую точку, которую не всегда точно определишь на глаз, если по сторонам пути склоны гор создают обманчивую картину подъемов и уклонов. Обо – когда-то бывшее своеобразной жертвой духу горы – стало потом указателем пути кочевникам и караванам в однообразной местности.

Впереди нас, на юге, открывался широкий скат на равнину. Облачность там рассеялась, и равнина желтела в солнечном свете, раскрывая далекий и яркий простор. Необыкновенно прозрачный воздух Монголии уводил взор за десятки километров. Там виднелась новая горная гряда, но низкая, голубая и приветливая.

Солнце осветило вершину перевала, и сразу стало теплее. Подошла полуторка, и обе машины понеслись вниз, к широкой равнине, вырвавшись из хмурых, засыпанных снегом гор.

К вечеру мы проехали два сомона, которые находились в бывших монастырях и отличались великим множеством складов. Эти склады были устроены в бесчисленных деревянных домишках – некогда отдельных кельях лам. Мы остановились на ночлег в лабиринте гранитных глыб, недалеко от центра Среднегобийского аймака Дунду –, или Мандал-Гоби («Средняя, или Возрожденная, Гоби»).

На следующий день все изменилось. Яркое, чистое небо высилось над простором широких однообразных равнин, перемежавшихся с плоскими холмами или редкими грядами невысоких скал. Солнце жгло серую и редкую траву – низкую полынь, редкий ковылек.

Горячий ветер шелестел дерисом, металлическая стенка кабины со стороны солнца сильно нагрелась. Дорога стала лучше, ровнее, мелкие речки давно исчезли, и вместо них встречались только широкие сухие русла от временных водных потоков. Машины быстро мчались, то поднимаясь, то спускаясь с пологих возвышенностей, и десятки километров дороги незаметно уходили назад.

Чем дальше к югу, тем бесплоднее становилась степь, растительность делалась реже и реже и все чаще встречались почти голые, покрытые однотонным темно-коричневым щебнем участки.

Глава вторая

За тремя прекрасными

Знание – высшее богатство, родной очаг – среднее, скот – низшее.
Старая поговорка

Еще задолго до прихода наших машин правительство Монгольской Народной Республики оповестило гобийские областные центры (аймаки) о приезде экспедиции, предписывая оказывать всяческую помощь. В Южногобийский аймак (Далан-Дзадагад), долженствовавший быть центром наших исследований, приехал уполномоченный правительства, который в числе других дел должен был найти людей, знавших о находках «костей дракона». Сам уполномоченный видел кости дракона в детстве, а его родственники и друзья были знатоками Гоби. По его вызову старые араты прибыли из дальних мест и остановились близ Далан-Дзадагада, ожидая приезда уполномоченного, который обещал навестить их дома, то есть в кочевых юртах.

Солнце спускалось к скалистым вершинам Гурбан-Сайхана («Трех Прекрасных»). Хребет громоздился над плоской щебнистой равниной, запирая пути к югу, сурово поблескивая отполированными ветром кручами. В небольшой промоине заросли дериса колыхались на слабом ветру бело-желтой гривой, обрамлявшей подножие маленького холма. На холме почти рядом стояли две юрты, крытые пестрой, выдавшей виды кошмой. У входа ближайшей к промоине юрты, лицом к хребту, сидели три арата и покуривали длинные трубки.

– Уже поздно, почтенный Балсандорж, – сказал самый молодой из собеседников Хорло, – ваш брат Цевен напрасно надел свое новое дели: от аймака сюда пол-уртона, и важный начальник не поедет на ночь.

Старик Балсандорж погладил отросшую на две ладони бороду и покачал головой:

– Нет, мой Лодой Дамба никогда не обманывает никого. Он сын моего лучшего друга и мне тоже как сын... Мы учили детей, что лучше сломать свою кость, чем свою честь!

Пожилой широколицый арат в вишневом дели – Цевен, брат старика, одобрительно усмехнулся, выбил пепел из трубки в серебряную чашечку и показал нефритовым мундштуком на восток. Оттуда быстро приближался одинокий всадник. Острые глаза степняков сразу заметили, что он в неудобном для езды европейском костюме.

– Не успел переодеться, наверно, прямо с совета, – удрученно пробормотал старик.

– Какое спешное дело заставило его так торопиться? – спросил Хорло.

– Лодой Дамба приехал из Улан-Батора по поручению маршала, – негромко ответил Балсандорж, – чтобы найти людей, знающих, где лежат «кости дракона»... Из Советской страны прибыли ученые. Они хотят смотреть эти кости, выкопать их, изучить и объяснить нашему народу, что это такое. Вот ему и нужны два старика – я и Цевен. Мы оба водили караваны в прежние времена и знаем много мест в Гоби, видели и «кости дракона»...

– «Кости дракона»... ха! ха!.. сказки... как же могут ученые из великой Страны Советов искать несуществующее?.. – откровенно расхохотался молодой арат. Старики нахмурились и поглядели друг на друга.

– Позже выросшие рога длиннее прежде выросших ушей, – тихо и ядовито произнес Цевен. Хорло вспыхнул, умолк и стал смотреть на подъехавшего гостя – невысокого и тонкого, в отличном светло-сером костюме.

Лодой Дамба отряхнул пыль и быстро подошел к старикам, широко улыбаясь.

– Вот мы и увиделись, почтенный Балсандорж! – радостно крикнул он и почтительно поклонился старикам, поспешившим ему навстречу.

– Мы получили твое письмо и еще вчера ждали тебя... Но это ничего... – прервал старик извинения гостя. – Зато мы с Цевеном вспоминали места, где хранятся «кости дракона». Цевен

готов везти туда советскую экспедицию. Мы говорили об этом, когда Цевен увидел тебя, а сосед Хорло нашел смешным наш разговор...

– Вовсе нет, – запротестовал молодой арат, – я только хотел получить разъяснение. Ведь я тоже учился в школе и узнал, что драконы никогда не существовали. Это дамские сказки, и пришли эти сказки к нам из Китая. А теперь и сами китайцы не верят в драконов.

– Такие же слова говорил я Балсандоржу, приехав из школы двадцать пять лет тому назад, – задумчиво сказал Лодой Дамба, – а потом... – Он умолк, глядя на склон ближнего холма. Там, словно большой черный сарлык на ночлеге, вытягивалась закатная тень.

– И потом вы поверили? – опять не удержался Хорло.

Лодой Дамба тихо рассмеялся:

– Придется вам рассказать, иначе получится, что я инструктор ЦК Народно-Революционной партии, стою за религиозные пережитки...

Лодой Дамба потянул вверх свои отглаженные брюки, подогнул под себя ноги и начал размеренным голосом:

– «Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Сперва он ударился о землю хвостом и задними лапами, там в горах Унэгэту („Цветные горы“) лежат теперь эти остатки. Голова с туловищем упали на полтора уртона дальше на запад, в горах Цзосту-Ундур-Хара („Охристо-черная высота“). Вот каких размеров дракон!»

Так мне рассказывал Балсандорж двадцать пять лет тому назад, – продолжал Лодой Дамба. – Юрты наши стояли у Дзабхана («Разливающийся»), и до Унэгэту было совсем недалеко. Я, так же как теперь вы, Хорло, отрицал драконов. Тогда пришел отец и подтвердил, что тридцать лет назад он шел здесь с караваном, видел «кости дракона». Мы с Балсандоржем оседлали коней и поехали. Скоро пошли колодезные тропы, вдали показались невысокие красные холмы. Холмов было много, они были круглые и низкие и стояли попарно. Мы долго ездили по ним, я покорно следовал за Балсандоржем, а тот вертел головой, как гриф, и вытирал потный лоб шапкой. Наконец он издал радостный возглас и спрыгнул с коня. Мы подошли к ровной площадке, окруженной пятью очень низкими холмиками. Повсюду лежали гигантские кости такого размера, что не могли принадлежать никакому из живущих с нами животному. Ошибиться было невозможно, кости были такими же белыми, какими становятся у нас в степях всякие кости. Я различал бабки величиной в двадцать бараньих, страшные когти, кривые заостренные, больше и толще длинного ножа. И дальше, за холмиками, лежали еще десятки костей. Я стоял молча. В голове моей, еще совсем недавно освободившейся от ламской науки, помутилось. Никто никогда не видел драконов. Я твердо знал что драконы такое же порождение религиозной выдумки, как и все тысячи духов и демонов буддийского неба и ада, но передо мною лежали чудовищные кости! Некоторые казались совсем свежими, как будто мертвый дракон рухнул сюда, в эти красные бугры, всего лишь луну назад. Я осторожно поднял громадный коготь – крепкий, тяжелый и плотный – и молча прыгнул в седло. Балсандорж сжалился над моей растерянностью и рассказал, что в Гоби есть много мест, где люди встречали кости драконов. Почему-то всегда кости лежат среди бесплодных обрывов красных глин и песка. Говорят, что дракон при падении уничтожает вокруг все живое...

Рассказчик выпил поданную чашку чаю и прислушался. Глухой и протяжный шум нарастал с запада. Внезапно налетел крутящийся вихрь, захлопнул открытую дверь юрты и унесся в пыльном тумане. Следом за вихрем подул ровный и прохладный ветер. Хлопнула кошма на раскрытом тоне, и в юрте стало темно.

– Пришел ветер на ночь, – сказал Балсандорж, – сейчас зажгут светильню... Вы так хорошо говорите, Лодой Дамба, что я вижу ясно все перед собой и снова еду вместе с вами по красным буграм...

– Я был сильно поражен тогда, – отозвался Лодой Дамба, – словно с высокого перевала увидел новую страну, и накрепко все запомнил. Слушайте дальше. Мы приехали к нашим юртам ночью и еще долго сидели и разговаривали. Мой отец сказал, что Балсандорж потому много знает о костях дракона, что его младший двоюродный брат Цевен водил караваны по Большой Обходной дороге через Черную Гоби и по Дороге Ветров. Там, на северной окраине Черной Гоби, в еще более пустынных и бесплодных местах, лежит множество костей исполинских драконов. Вот туда-то и надо провести советскую экспедицию!

Балсандорж и Цевен как по команде набили трубки.

– Это очень далеко, там, – Цевен махнул рукой в направлении хребта, – пойдут ли советские люди туда?.. А если пойдут, то пройдут ли их машины?..

– Я знаю русских людей, – возразил Балсандорж, – они пройдут везде, где понадобится, но ты, уважаемый брат, не стар ли для такого пути?

– Я стар – это ничего, найдем проводника помоложе. Я расскажу ему, так расскажу, что он найдет, будто там родился! – с азартом воскликнул Цевен.

Лодой Дамба одобрительно усмехнулся...

Две недели спустя после отъезда уполномоченного наши машины, тяжело нагруженные снаряжением и горючим, медленно шли по Средней Гоби. После ночлега среди больших камней на травянистой равнине у Мандал-Гоби мы въехали в настоящую Гоби – щебнистую, черную, с редко разбросанными кустиками травы. Несколько часов покрывки однообразно скрежетали по щебню. Становилось все жарче, как будто сентябрьское солнце молодело с каждым часом.

Мы сделали остановку на обед у разрушенных глинобитных стен развалин Олдаху-хида («Найденный монастырь»). Длинный ряд разбитых белых чаш субурганов отгораживал развалины от плоских щебнистых гряд с севера. С юга прямо к стенам подходила огромная, совершенно мертвая равнина. Рыжая глина бесплодной почвы просвечивала сквозь черный мелкий щебень. Глубокие канавки – следы автомобильных колес – бороздили равнину в разных направлениях: попытки неведомых водителей пробиться через размокшую во время июльских ливней или весеннего снеготаяния глину...

Сейчас эта равнина не представляла никакой опасности – дожди давно окончились, и глина была суха на много метров вглубь.

Едва только машины остановились, как тяжелый зной обступил нас. Неподвижный воздух между стенами был буквально накален. Мы укрылись от прямого солнца в тень машин, поели и немного вздремнули. Однако долго отдыхать было некогда – мы намеревались сегодня же доехать до Далан-Дзадагада, а оставалось еще сто девяносто километров.

И мы пустились по мертвой равнине, не обращая внимания на усиливающуюся жару. Потирая обожженные солнцем и палящим ветром уши, я с удовлетворением отметил огромную разницу между погодой в Улан-Баторе и здесь, в Гоби, хотя мы и отъехали от столицы республики всего на четыреста километров прямо на юг, то есть около четырех градусов по широте. По сторонам щебень был темным, а на самой дороге гораздо светлее – пустынный загар был стерт колесами с камня и щебень присыпан пылью, отчего вся дорога приняла светлый серый цвет. В Гоби, когда солнце высоко, чистый серый цвет кажется голубым или светло-синим. Мне не раз пришлось потом встретиться с этим явлением. И сейчас под палящим солнцем на темной щебнистой равнине вдаль вилась ярко-голубая дорога, вблизи, перед радиатором машины, казавшаяся совсем синей. Необычайного цвета путь манил воображение, суля впереди неопределенные и необыкновенные возможности...

А часы шли, солнце спускалось ниже и уходило в сторону, голубой цвет щебня дороги сменился красновато-серым. Встретились две монгольские машины ЗИС-5. Не в пример нам, местные водители бешено гнали по ухабам и ямам, машины дергало, бросало и раскачивало

так, что на них жалко было смотреть. Вдобавок пошла «гребенка», и наше передвижение замедлилось.

Короткий осенний день давно окончился, а в свете фар все тянулась и тянулась изрытая ухабистая дорога, пересекавшая глинистую котловину. При торможении перед ямами вихрь густейшей пыли с жарким дыханием отработанного бензина мгновенно обгонял нас, окутывал плотным облаком, забивался в кабину и рассеивался только тогда, когда машина набирала ход.

Глухой ночью мы прибыли в аймак и подъехали к отдельно стоявшему на самом краю поселка зданию, обнесенному глинобитной сплошной стеной. Это был клуб местной милиции, отведенный под нашу базу.

Рано утром я пошел осматривать базу и аймак.

В углу двора, в старой, дырявой юрте, превращенной в кухню, уже готовился завтрак. Квадрат глухих стен обрамлял весь дом – защита от страшных гобийских ветров. Только одна узкая дверная прорезь выходила на восток. С другой стороны дома находился большой чулан, куда вел длинный узкий проход между стеною и домом – там мы оборудовали кладовую и фотолабораторию. Благодаря этой мудро придуманной стене наша новая база выглядела даже уютно в сравнении с другими домами, стоявшими совершенно открыто.

Я вышел через дверной проем. Обе машины стояли перед входом, красная гобийская пыль прочно въелась в их колеса, капоты и крылья. Аймак – отдельные каменные дома, живописные скопища юрт, высокие мачты радиостанции, ряд магазинов, группа белых больничных зданий и стоявшая на отлете большая школа – был поставлен здесь всего несколько лет назад, а ранее находился значительно севернее – в Дельгер-Хангае («Просторный Хангай»). Поэтому юрт было во много раз больше, чем домов, но строительство продолжалось – в самом центре, неподалеку от здания аймачного управления, уже были выложены фундаменты трех больших домов...

Аймак Далан-Дзадагад расположен на плоской щебнистой и пустынной равнине, протянувшейся далеко на запад и на восток. С севера на сотни километров простирались такие же, только, пожалуй, еще более бесплодные равнины, местами прерывавшиеся грядами холмов и цепями невысоких скалистых гор или глинистыми впадинами – котловинами.

С юга над равниной и аймаком как бы всплывала стена крутого и высокого хребта. Массивные скалы величественно громоздились на пологом цоколе бэля. Хребет уходил косо на запад и распадался на три массива, разделенных широкими сквозными долинами. Это и был Гурбан-Сайхан («Три Прекрасных»), восточная оконечность Гобийского Алтая. Названия гор в Монголии – пережитки древнего пантеистического шаманизма, оставшегося бытовать и ассимилированного буддизмом, который сумел отлично использовать бесчисленных богов и черт первобытного, запуганного силами природы мышления. При подобострастном отношении древних путников к горам, посылавшим то необоримые ветры, то снег и жестокую стужу, то гибельные ливни, подлинные имена гор нельзя было произносить и они были забыты. Поэтому самые большие горы до сих пор носят «обобщенные» названия: Сайхан Богдо, Хаирхан – Прекрасный, Святой. Милостивый, к которым добавляется какое-нибудь отличительное прилагательное.

Ничего прекрасного не было в этих «Трех Прекрасных», надменно высившихся над распростертым у их подножия аймаком. Но величие, несомненно, чувствовалось в кручах и полированных ветрами ребрах исполинских обнаженных скал.

Я отправился с визитом к аймачному дарге и был принят любезно, но не смог хорошо побеседовать. Аймачный начальник очень плохо говорил по-русски, а наш переводчик был в отъезде. Зато в айкоме Народно-Революционной партии я имел большой успех – секретари айкома владели русским языком и очень заинтересовались работой нашей экспедиции. Мне пришлось говорить целый час. Договорились о взаимопомощи в работе. Вернувшись

домой, я принялся за дневники и едва успел покончить с ними, как явились наши исследователи Орлов, Громов и Эглон.

Шумная компания уже сильно загорелых и обветренных гобийцев сильно отличалась от бледнолицых «горожан», хотя «горожане», опаленные горячими ветрами Гоби, больше походили на краснокожих.

Орлов, Громов и Эглон похвалялись палеонтологическими открытиями. Ездивший с ними шофер Андреев, маленький, рыжий и веснушчатый, пугал наших шоферов гобийским бездорожьем. Наконец шутки утихли, и мы уселись с топографическими картами за стол. Первые же маршруты, проделанные передовым отрядом обнаружили два интересных местонахождения.

К северу от аймака, по старой караванной тропе, обнаружили массив-останец красноцветных меловых пород, одиноко стоящий посреди котловины и окаймленный большими сухими руслами. Это был Олгой-Улан-Цаб («Ущелье красной толстой кишки»). Исследователи долго лазили по склонам многочисленных оврагов и обрывам, находя кости динозавров, таких какие еще не встречались на территории Центральной Азии. Наконец в обрыве одной промоины был найден скелет гигантского травоядного динозавра – зауропода. Длинный хвост, полгавшийся этой породе ящеров, был нацело уничтожен размывом. Остались только два громадных первых хвостовых позвонка, которые Эглон с трудом извлек из твердой песчаниковой плиты.

Крестец и таз уходили внутрь и в глубь обрыва а за ними, наверное, шел и весь остальной скелет гиганта, достигавшего, судя по размерам извлеченных позвонков, примерно 25 метров в длину. Это была первая находка более или менее полных остатков зауропода во всей Центральной Азии. Однако на извлечение скелета из твердой породы ушло бы с нашими малыми силами по менее года работы. Несколько лет потребовала бы и препаровка костей в Москве, поэтому находку пришлось оставить.

Северо-восточнее, между Олгой-Улан-Цабом и даланд-загадской дорогой, располагался второй отдельный массив, сложенный еще более темно-красными глинами, с меньшим количеством песчаников – Улан-Ош («Красный водопой»). В узких промоинах красных стен Улан-Оша Громов, Эглон и Орлов нашли кости мелких попугаеклювых динозавров и обломки панциря черепах. Целая когтистая лапа небольшого динозавра была выложена на стол передо мной как доказательство хорошей сохранности материала. Я взглянул на карту. И Олгой Улан-Цаб и Улан-Ош находились в пределах одной большой котловины, вытянутой в широтном направлении и ранее, очевидно, целиком заполненной красноцветными костеносными меловыми породами, от которых теперь остались неразмытыми лишь отдельные участки.

– Погодите-ка, – воскликнул я, – где-то тут близко Барун-Баин («Западный Богатый») – место, где ботаник Юнатов видел много костей динозавров...

– Вот оно! – Ноготь Орлова ткнул южнее синего кружка, обведенного вокруг Улан-Оша. – Тоже в этой большой впадине.

– И не только оно, – Громов нагнулся к карте, чадя вонючей трубкой, – на запад все та же котловина проходит до Баин-Дзака («Богатый саксаул»). А на Баин-Дзаке мы уже побывали. Оказалось, что это и есть знаменитое Шабарак-Усу американцев. Яйца динозавров ведь мы нашли тоже, и неплохие...

– Так, все понимаю – в этой впадине в разных ее местах уцелели низкие горизонты меловой толщи, выраженные разными фациями – пески в Баин-Дзаке, болотные глины в Улан-Оше и Барун-Баине... Но все же нет очень крупных скоплений остатков динозавров, хотя если поставить раскопки, то получим хороший материал. Но это не решает успеха экспедиции.

– Разумеется, – хмуро сказал Орлов, – мы должны доказать повсеместное обилие и разнообразие ископаемых позвоночных и распространение материковых отложений... Фу! – яростно отмахнулся он от трубки Громова.

– Хорош табачок! – невозмутимо отозвался Громов, окутываясь дымом.

Встреченный одобрительными восклицаниями, в комнату вошел крепкий пожилой монгол в нарядном, вишневого цвета дели. Это был Цевен, проводник, направленный аймаком в нашу экспедицию. Он отлично умел проводить машину по бездорожью и обладал широкими и разнообразными знаниями всего, что относилось к природе Гоби. За эти познания и отличную работу проводник Цевен был прозван нами «академиком».

После угощения Цевен вытащил длинную трубку, набил ее пылевидным табаком – дунзой – и затянулся. Начался неторопливый разговор о дальнейших планах поездок. Мы стеснились на конце длинного стола из неровных досок. Ветер, врываясь сквозь щели крыши, слегка колебал пламя свечей. Лысеющие головы Громова и Орлова, светлая и темная, наклонились к картам. Данзан, хмурясь и торопясь, переводил речь Цевена и наши вопросы.

– Мой друг, старик Балсандорж-гуа, и я знали, что вы приедете. Мы ездили туда и сюда, спрашивали многих аратов, молодых и старых, всех, кто знает, где лежат «кости дракона». Два места я вам показал, одно вы сами нашли, одно, говорите, нашел ботаник Юнатов... Но это еще не все. Вы правильно сказали, что большого богатства костей здесь нет. Самое большое богатство там, – старик махнул рукой на юго-запад, – за Гурбан-Сайханом... Нэмэгэту («Защищающий от ветра») – вот где много больших костей. Больше вы нигде в Гоби не найдете. И никто там еще не был...

Цевен умолк и стал выколачивать трубку в маленькую серебряную чашку.

– Дорога туда только до Ноян сомона, – сказал я, следя за картой, – дальше нет дороги. Чтобы прошли машины, особенно необходим знающий проводник. Ехать далеко, всякая поломка машины будет опасна не только для плана экспедиции, но и для людей.

– Я не могу поехать с вами, – ответил Цевен, обменявшись с Данзаном быстрыми непонятными фразами, – хозяйство больше нельзя оставлять! Вместо меня поедет заведующий потребительской кооперацией Цедендамба, я ему все рассказал. Цедендамба сам родом из Сэвэрэй («Сжатый, стянутый») сомона и те места знает.

– Знает-то знает, – ответил я, от огорчения затягиваясь поглубже из огромной самокрутки, – но вы знаете, как и где проходят машины. А от незнакомого с машинами проводника иногда бывает хуже, чем совсем без него... Но хозяйство – дело серьезное, ничего не скажешь. Вот если бы были у вас колхозы...

Цевен широко улыбнулся, встал из-за стола и проговорил что-то.

– Он сказал, был бы колхоз, тогда он был бы с нами в экспедиции все время, пока был нужен, и за скот был бы спокоен. А теперь очень хочет помочь, ему понравились вы, но никак не может... – перебил Данзан, улыбнулся и закончил: – Говорит, что скоро они сделают колхозы, жаль только, что нам завтра надо ехать!

Все рассмеялись.

– Пока он не ушел, надо спросить его про олгой-хорхой! – воскликнул Эглон.

Ян Мартынович подразумевал странное животное монгольских легенд. Среди жителей Гоби издавна распространено предание о большом и толстом черве (олгой – толстая кишка, хорхой – червяк), свыше полуметра длиной, живущем в недоступных песчаных местах Гобийской пустыни. Рассказы об этом животном совпадают. Олгой-хорхой известен как очень страшное существо, обладающее непонятной убийственной силой, способной поразить насмерть прикоснувшегося к нему человека.

Никто из ученых-исследователей не видел необычного червя, но легенда о нем так распространена и так единообразна, что, нужно думать, в ее основе действительно есть какое-то чрезвычайно редкое, вымирающее животное, вероятно, пережиток древних времен, уцелевший теперь в самых пустынных уголках Центральной Азии. Я использовал легенду об олгой-хорхой в одном из своих фантастических рассказов. Про олгой-хорхой слышал и начальник американской экспедиции Эндрьюс.

Данзан заговорил с Цевеном несколько смущенно, как будто опасаясь насмешек со стороны остроумного старика за наивный вопрос о легендарном животном. К общему удивлению, Цевен объявил, что много слышал об этом гигантском червяке, убивающем наповал, но не видал его. В четырех уртонах на юго-восток от аймака есть местность Халдзан-дзахе («Лысый край»), где на барханных песках живет олгой-хорхой. Но его можно видеть только в самую жару, в июне – июле, позднее он зарывается в землю и спит.

Посыпались шутки об этих непонятных свойствах хорхоя. Цевен рассердился и, сурово нахмурившись, сказал несколько слов Данзану.

– Он говорит, – перевел молодой геолог, – они смеются только потому, что ничего не знают и не понимают. Олгой-хорхой – это страшная вещь!..

Цевен потел домой. Мы поспешили проводить арата до выхода со двора и тем оказать ему почет по-монгольски. Проводник был польщен, когда все три профессора вышли за ним следам.

В углу двора сквозь дыры старой юрты светился огонь. Это повар Никитин, или танковый кашевар, как он именовал себя после недавней демобилизации, заготавливал лепешки в далекий поход. Запаса хлеба, привезенного из Улан-Батора, не могло хватить надолго, а выпекать лепешки в походе было хлопотно.

Мы прошли в узкий дверной проем, простились с Цевеном и зашагали в темноте мимо стоявших в ряд перед оградой трех наших машин – скромной автоколонны первой экспедиции. Темные, высокие тенты придавали им вид массивных глыб.

Еще несколько шагов – и мы очутились на краю щебнистой равнины, пустой, холодной и темной. Жестко скрежетал под ногами остроугольный щебень. Звездное небо, холодное, низкое и яркое, с юга затенялось стеной хребта. Ближайший к аймаку массив Цзун-Сайхан («Восточный прекрасный») громоздился в неуловимом свете звезд. Дальше Дунду-Сайхан – средний – уже расплывался в темноте, сливаясь с чернотой бэля.

Мы долго смотрели на горную стену, загородившую от нас таинственную, неисследованную страну с большими котловинами и острыми хребтами, далеко протянувшимися на юг и запад.

Точно повинуюсь какой-то команде, дружно залаяли многочисленные псы. Залаяли с тем характерным, тоскливым подвыванием, которое отличает монгольских собак.

– Ночи стали заметно холоднее, – заговорил, застегивая ворот ватника, Громов, – даже странно: такая обжигающая жара днем и свирепый холод ночью!

– Ну не так уж свиреп, просто вы привыкли к жаре, – отозвался я, – а я вот, наоборот, в Улан-Баторе привык к холоду. В горах вокруг города снег, ночью мороз – и так до перевала семидесятого километра...

– Очень меня беспокоит, – вмешался профессор Орлов, – успеем ли мы сделать что-либо серьезное? Может, надо было все время употребить на обследование мест, о которых есть уже вполне определенные сведения...

– Мы будем и на востоке, как планировали, – возразил я, – а свидетельствам аратов я верю. Разные показания сходятся, да и к нам, гостям из Советского Союза, явное доброжелательство...

«Настоящие стойкие морозы в Гоби наступают с ноября. Значит, у нас есть месяц с недель. Это без всякого запаса... Должно хватить на большой объезд, только бы не подвели машины», – думал я, подходя к полуторке и касаясь рукой холодной фары.

Громов спрятался от ветра за бортом машины и стал вытаскивать табак, но Орлов заявил, что он совершенно замерз, и мы вернулись в дом. В низком помещении было теплей. Складные койки занимали почти все свободное место. Сонная тишина царила в доме, только Данзан копошился над картами, медленно перебирая листы тонкой смуглой рукой. За другим концом стола Андросов морщил курносый нос. Попытка починить «своими силами» сломанный бен-

зоуказатель не удалась. Шум ветра, разгуливавшего на темном просторе снаружи, заметно усиливался, огонь свечой метался от струек воздуха, неведомыми путями влетающих в помещение. Крупные пятна света бегали по потолку, натянутому белой бязью. Легкая ткань как будто струилась. Внезапно на пороге возник повар. На его круглом, открытом, дочерна загоревшем лице сияла всегдашняя приветливая улыбка:

– Научная сила чай пить хочет?

Наш веселый повар называл всех ученых экспедиции «научной силой». Название это закрепилось на все последующие годы работы.

Места для чаепития сразу не нашлось. Клубный стол добрых шести метров длины был нацело занят картами. Данзан прикрепил кнопками аккуратно подогнутые и подобранные планшеты подлежавшего изучению района Гоби. Получилась бумажная лента, своими размерами внушавшая некоторые размышления. Но наш геолог-переводчик оставался совершенно спокойным. Его узкое лицо с очень темной кожей бесстрастно повернулось к нам, темные глаза смотрели непроницаемо, а необыкновенно изящная тонкая рука задумчиво ворошила кипу карт.

Громов по всегдашней привычке высоко взвел брови над круглыми стеклами очков и пронзительным птичьим взглядом уставился на полосу планшетов.

– Это нам столько ехать?! Му байна! (плохо). – Профессор старался говорить по-монгольски, нещадно коверкая слова и произношение.

– Посмотрите, Иван Антонович, – позвал меня Данзан, – я начертил маршрут, как вы сказали...

Красная линия пересекла несколько планшетов карты, постепенно изгибаясь к северу и назад, на восток. Получилась гигантская петля в полторы тысячи километров длины, огибавшая хребет Нэмэгэту с юга, запада и севера и подходившая к впадине Ширэгин-Гашун («Столовый горький»), где в 1932 году географ Б. М. Чудинов нашел множество костей огромных динозавров. Эту впадину мы нанесли на карту наугад, без точных данных.

Что ожидало нас там, впереди, за Тремя Прекрасными, какие испытания скрывала за собой эта линия маршрута, отражавшая сотни и тысячи километров реальной пустынной земли?

* * *

Широкая дверь кабины защелкнулась, хрипнула передача, машина двинулась. Я помахал рукой оставшимся на базе, чувствуя вину за огорчение, выразившееся на всех трех лицах. Лукьянову и двух рабочих пришлось оставить, поручив им «заведование» и охрану базы. Каждый лишний человек в таком долгом маршруте – это около десяти пудов груза, вместе с его продовольствием, запасом воды, посудой и постелью. Резерва в полтонны не было, тем более, что на обратном пути мы рассчитывали везти тяжелые коллекции ископаемых костей.

Три машины направились по хорошему автомобильному накату на запад от аймака. Впереди полупортка с Орловым в кабине, наверху проводник, Данзан и Эглон. Водитель – стремительный, бесшабашный и грубоватый Андреев. Вторая полупортка с продуктами, поваром и двумя рабочими, с водителем Прониным, осторожным и чувствительным любителем природы, впоследствии ставшим превосходным «охотником за черепами».

Замыкали колонну мы с Андросовым на трехтонке, до отказа загруженной бензином, с двумя рабочими, ворчавшими на «ссылку», так как в машине у грозного Андросова не покуришь. Старший шофер не баловал нашу рабочую молодежь, называл их «боярами» за их необъятные штаны с множеством складок по местной, пришедшей из Забайкалья моде и при случае отчитывал нерасторопных.

Все наши рабочие были допризывниками – восемнадцатилетней молодежью из Алтан-Булака и соседних поселков севера республики.

С нами ехал Володя Иванов – высокий, белобрысый и добродушный парень, прозванный «батарейцем» за огромный рост и силу, по-мальчишески еще неуклюжий, восторженный и легковерный. Кроме Иванова, все другие были смешанного русско-китайского происхождения. Небольшого роста, подвижные и ловкие, они были больше похожи на китайцев, чем на русских, хотя говорили по-русски, как природные русаки, и все носили русские имена и фамилии. Среди них Илья Жилкин выделялся хорошими музыкальными способностями, знал множество песен и не расставался с гитарой. Павлик Чуваев – самый способный и самый сердитый – стал постоянным помощником Эглона, обнаружив выдающиеся способности в раскопочном деле. Наш требовательный, презиравший лентяев Ян привязался к Павлику, прозванному «ассистентом», не без зависти со стороны остальных: маленького и старательного Климова – красивого и тихого малого, и особенно Вани Сизова, отчаянно соперничавшего с Павликом на раскопках и сейчас составлявшего компанию «батарейцу» на неудобной бензиновозной машине.

Равнина к западу и северо-западу от аймака была удивительно ровная и твердая. Здесь можно было ехать не только по накатанной дороге, но в любом направлении, так как щебень был повсюду, а редкие кустики растительности не были серьезным препятствием для автомобильных колес. Именно это место называли американцы «стомильным теннисным кортом», когда проехали через него к лучшему из своих местонахождений – Баин-Дзаку (Шабарак-Усу) двадцать три года назад. Наш путь лежал не туда. Скоро машины повернули налево и стали приближаться к громадному бэлю Гурбан-Сайхана.

Щебень становился все крупнее, мы въезжали в зону горных конусов выноса. Обширная котловина у подножия хребта, простиравшаяся на сотню километров на север, была заполнена рыхлыми отложениями, прикрытыми щебневым панцирем. Это совсем не походило на беспредельную равнину, которую я проехал недавно в районе Холод сомона («Лосось»), на пути в Далан-Дзадагад.

Там была типичная хаммада – каменистая пустыня, но хаммада ископаемая, уже заросшая и задернованная. Только тонкий слой элювиальной дресвы прикрывал каменные гряды или просто скалистое основание, выступавшее в дне котловины, но растительность указывала, что в настоящий момент климат сделался более влажным, чем во время образования хаммады, в период максимального высыхания.

Такие же заросшие, задернованные хаммады с еще более густой растительностью я наблюдал и в восьмидесяти километрах севернее Дунду-Гоби, что указывало на прежнее, более обширное и более северное распространение пустынь Монголии.

К югу за хаммадами лежали уже настоящие гоби – плоские впадины, засыпанные щебнем, с очень редкой Травой. Я видел там огромные ямы выдувания до 6 метров в глубину.

Но и здесь общий тон Гоби от серого щебня казался голубым и дорога стелилась синей лентой.

Круче и круче становился бэль, мы едва ползли, но тут пятнадцатикилометровый подъем внезапно окончился, и мы въехали на песок сухого русла.

Еще небольшой подъем, поворот – и мы попали в глубокое скалистое ущелье. Темно-серые утесы и обрывы нависли над машинами. Правее, по спуску сухого русла, из грубого песка возникал небольшой родник, дальше становившийся заметным ручейком. Свежая зелень, показавшаяся необычайно яркой, ютилась по сторонам родника у подножия грозных скал. Мы остановились остудить моторы и запастись чистой свежей водой. Орлов забрался на низкий обрыв левой стороны ущелья и водрузил там маленькое обо. Его четкий профиль с орлиным носом, высоким лбом и тяжелым, выступающим подбородком картинно обрисо-

вался на грани горы и неба. Профессор очень полюбил этот монгольский обычай и повсюду немедленно воздвигал обо, тем самым пытаясь увековечить места, посещенные экспедицией.

Громов стал было карабкаться на отвесную трехсотметровую стену, но я с трудом отговаривал его, пообещав стащить вниз за ногу. Громов поднял очки на вспотевший лоб, посмотрел на меня с обычной искрой насмешки в бесстрашных светлых глазах, понял, что я не шучу, и сдался.

– Крепкие метаморфические кварциты, – сказал он, ударяя молотком по свежему излому скалы.

Мельчайшие осколки камня с силой брызнули вместе с искрами от резкого удара. Я поспешно прикрыл глаза рукой...

– Мы, собственно, только сейчас вступили в сквозную долину, – продолжал Громов, справившись с непокорным образцом, – видите, этот каньон, несомненно, эпигенетический участок!

– Правильно. – Я показал вперед в глубину ущелья: – Видите висячие долинки? Здесь, безусловно, очень молодые сбросы...

– Висячие долины я и раньше видел, у первого поворота, – усмехнулся Громов.

– Поехали, Иван Антонович, – крикнул мне Андросов, – все готово!

Гулким эхом разнесся по ущелью шум заведенных моторов. Большая птица взлетела откуда-то с края нависших круч и взвилась в высокое небо. Галька и песок сухого русла были плотно укатаны проходившими здесь машинами, и, несмотря на подъем, мы шли легко. Ущелье понизилось и сузилось, склоны вверх разошлись широко и полого. Стало светлее. Дорога петляла между выступами скал. Наконец мы выбрались со дна ущелья, и дорога повела нас по широким косограм, покрытым низкой ровной травой альпийской зоны, сейчас уже пожелтевшей. Тормозя на опасных разворотах, машины теряли скорость и медленно лезли на подъем. Два обо из светлых камней возвестили вершину перевала.

Мы пересекли широкое русло, спадавшее на другую сторону хребта, вышли на крутой склон долины и очутились на широкой и ровной желтой плоскости, скатывавшейся далеко на юг. После тесных и темных ущелий здесь показалось необычайно светло и просторно. Залитая солнцем гладкая желтая равнина, чистое голубое небо, поодаль две полосы легких облаков... Несколько юрт стояло справа, а внизу вдаль едва виднелись нерезкими белыми пятнами домики Баин-Далай («Богатый необозримый») сомона, до которого было еще не менее 25 километров, и только горный воздух Монголии мог позволить нам различить маленькие строения простым глазом. Я застегнул ватник – холодный ветерок остро чувствовался на разгоряченном от жары кабина теле. Мы перевалили Гурбан-Сайхан и сейчас находились в той самой таинственной стране, за стеной Трех Прекрасных.

На этом скате мы пообедали холодной бараниной и чаем, предусмотрительно запасенным Андросовым в чистой жестянке, и пошли на спуск.

Превосходная дорога, ровная и прямая, позволила набрать большую скорость. Машина, плавно покачиваясь, неслась вниз, а я предался размышлениям. Думать было над чем. В одном и том же хребте находились две различные формации гор. Северный склон Гурбан-Сайхана сразу же над высоким бэлем состоял из гряды очень молодой, пересеченной огромными сбросами с крутыми склонами и острыми зубчатыми вершинами. Висячие долины свидетельствовали, что это поднятие было геологически совсем недавним, и водные потоки, спадая с поднявшихся круч, еще не успели выработать нормальный спад своих русел, нормальную кривую эрозии, как говорят геологи. Более того, эти висячие долины говорили о том, что хребет продолжает расти и делаться все выше.

Южная сторона Гурбан-Сайхана была образована плоскими горами с округлыми сглаженными формами и пологими склонами. Эта гряда округлых, похожих на хангайские, гор была вплотную прижата к острой северной гряде, однако водораздел находился на южной

гряде. Все речки, вернее временные потоки, спадали на север с южной гряды, прорезая высокую северную гряду глубокими ущельями. Значит, когда-то, несколько десятков тысяч лет назад, а может быть и еще меньше, здешние равнины пересекала гряда округлых, старых, как в южном Хангае («Сытый, обильный»), гор. Потом северная сторона этой гряды начала постепенно подниматься, а стекавшие с вершины старой гряды речки прорезывали новое поднятие насквозь своими долинами. Наконец новая горная цепь стала выше старой, а истоки речек по-прежнему остались на старой гряде, потому что новая уже оказалась пропиленной глубокими ущельями. Понятно, что и высшая перевальная точка находилась на старой гряде. Мы добрались до нее по дну сквозной долины.

Короткий осенний день кончился. Мы приблизились к сомону, но делать там нам было нечего, и мы решили заночевать в разрушенном монастыре Цаган-Дерисуни-хурал («Монастырь белого дериса»), где была устроена станция для проходящих автомобилей.

Андросов заметно устал после трудного пересечения перевала, и я сменил его за рулем, пока шла хорошая дорога. Она незаметно поднималась к зубчатым черным горам за широкой желто-серой равниной. Щебень стал мелким, редкие пучки сухого ковылька золотились пятнышками в низких лучах солнца. Машина шла прямо на запад. Пришлось поднять лобовое стекло, чтобы сколько-нибудь видеть дорогу.

Солнце ударило прямо в хмурые зубцы Гурбан-Сайхана, оставшиеся позади и медленно уходившие за увалистые светлые вершины южного склона. Незаметно все большее количество песка затопляло дорогу. Машина содрогалась и подпрыгивала на рытвинах, засыпанных песком. Песку все прибывало, уже порядочные бугры громоздились по сторонам дороги, поросшие толстой белесой колючкой. Теперь стало видно, что автомобильный накат шел по старинной верблюжьей караванной тропе. Ноги тысяч верблюдов глубоко утоптали песок, и дорога стала канавой, словно прорытой посреди песчаных бугров. Недавние бури нанесли в эту канаву мелкий, очень рыхлый песок. Легкие полуторки проскочили по краю канавы, а наша тяжелая машина – около семи тонн общего веса с грузом – глубоко зарылась и пропахивала себе путь, как танк.

Солнце скрылось за ближними холмами. Вечерние облака, как пластины литого золота, повисли над огненным озером дали. Чеканный черный силуэт лошади вырисовывался на холме. Повернув голову, животное всматривалось в приближающуюся машину. Затем огненное озеро померкло, в него как бы перелились краски облаков, которые сделались серо-фиолетовыми. Подбежало еще несколько коней, и их силуэты стали еще чернее...

В сумерках мы въехали в странное и мрачное место каменистые острые холмы, пересеченные множеством сухих русел. Черные камни, красные пески русел и белесый дерис были видны лишь короткое время, затем все слилось и исчезло в наступающей ночи. Вспыхнули фары и сразу пробили яркую дорогу в стене сгущающегося мрака. Накат пересекал сухие русла по самым различным направлениям.

Русла, то узкие и глубокие, то мелкие и широкие, но зато с множеством дополнительных промоин и канавок, до крайности задерживали нас и терзали машину. На страшных перекосах в коробке скоростей раздавался скрежет, а кузов скрипел и трещал, заглушая унылый вой шестерен, когда все четырнадцать полных бензина бочек наваливались то на один, то на другой борт. При медленном движении машины клубившаяся позади пыль нагоняла нас и летела вперед, золотясь в свете фар плотными, вздымавшимися вверх клубами. В занесенной пылью и жарким дымом выхлопной трубы кабине стало трудно дышать, а сухие русла все снова и снова возникали темными полосами перед нами. Внезапно из тьмы встали желтые стены каких-то разрушенных зданий. На краю дороги появился, подняв руку Эглон. Мы взяли его на подножку и, повинаясь его указаниям, наконец выехали к автомобильной станции. Две большие чистые юрты стояли в глинобитной ограде на высоких круглых платформах из дерева и глины.

В левой юрте в большом котле уже кипел чай. Приветливый, хорошо одетый заведующий станцией зажег светильню – простой кусок тряпки в бараньем сале, которое, оказывается, горит ровно и без копоти. В большой железной печке метался слабый огонек аргала, снаружи все сильнее шумел холодный ветер, но в просторной и чистой юрте было тепло. Однако мы решили для закалки спать во дворе у стены, защищавшей от ветра, где рос высокий дерис. Чудесное звездное небо Монголии раскинулось над нами, справа поднималась высокая стена разрушенного главного храма, слева обрисовывалась зубчатая стена хребта Цзолэн («Приносящий счастье»). Ветер переваливался через глинобитную стену, и колышущийся дерис шуршал о брезент складной койки, чуть слышно позванивал о металл ножек.

Ясное и необыкновенно тихое утро приветствовало меня, когда я выскочил из спального мешка и, трясаясь от озноба, поспешно оделся. Легкий налет инея увлажнил края мешка. Нужно было искусно балансировать, чтобы не наколоть босые ноги о жесткую щетку дериса или об острый щебень.

Разрушенный монастырь Цаган-Дерисуни отличался от тех деревянных монастырей, которые я видел в Срединной Гоби и в Центральном аймаке, а также от глинобитных развалин Олдахухида, построенного китайскими архитекторами. Здесь высокие, сложенные из синих кирпичей стены были наклонены внутрь, и на всех развалинах лежал отпечаток тибетского стиля. Характерно, что монастырь стоял среди угрюмых черных холмов, у подножия хребта Цзолэн, где темные голые скалы то лезли толпой друг на друга, как каменные волны, то выдавались острыми пиками, то скалились колоссальными челюстями, то поднимали зазубренные гребни. Это место вызывало тревожное ощущение и производило впечатление замкнутости и угрозы. Монастырь был поставлен в таком месте не случайно – все способствовало возникновению безотчетного страха в душе простодушного сына степей, приближавшегося к такому монастырю...

Но сейчас только ряды желтых стен напоминали о бывшем здесь очаге мрачной религии. Чистые юрты посреди выметенного двора, уцелевшие башенка и маленькая кухня служили фоном для наших выстроившихся в ряд машин. Чай уже был готов, и приветливо улыбающийся заведующий привязывал распахнутую дверь юрты.

За монастырем снова начались такие же русла, как вчера, и мы «заковырялись» на них, по образному выражению Пронина. Хребет Цзолэн отошел вкось направо, а за ним показалась голубая зубчатая дуга хребта Сэвэрэй, стоявшего у начала огромной котловины Нэмэгэту, куда и устремлялись мы в поисках «драконовых костей». Широкий дол черного щебня спустился в низину с громадными кочками, поросшими дерисом, между которыми вилась дорога. Отсюда мы поднялись на небольшой гранитный хребет, по гребню которого шел автомобильный накат, в то время как по обе стороны машины вниз спадали светло-серые склоны, усыпанные гранитной дресвой.

День был безветренный, и жара усиливалась с каждым часом. Воздух струился над раскаленными камнями. Спустившись с гранитов, мы завидели наши полуторки, стоявшие рядом на невзрачной белесой дресве. Оба шофера и повар валялись в позах полного изнеможения прямо на земле рядом с машинами.

Тряска и жара сильно утомили людей. На ногах оставался только Ян Мартынович. Выставив круглый животик и вытянув шею, он расхаживал вокруг медленными широкими шагами. Козырек белой фуражки и длинный нос устремлялись вперед в поисках добычи – великий коллекционер, наш славный латыш и тут высматривал то ли интересных насекомых, то ли камни или растения. Данзан и Цедендамба меланхолически восседали, поджав под себя ноги, и вяло переговаривались. Громов уткнулся в записную книжку и что-то рисовал в ней, грызя мундштук трубки и широко раскинув ноги в тяжелых горных ботинках. Орлов расстелил ватник и улегся навзничь, загораживаясь от солнца собственными высоко поднятыми коленями.

Его высокие кирзовые сапоги, пропитавшиеся гобийской пылью, казались на солнце совсем красными. Рядом, спрятав лицо в согнутый локоть, улегся Пронин.

Я решил последовать их примеру и опустился на землю, точнее на остроугольные камешки, но тут же с проклятием вскочил на ноги. В ладонь, которой я уперся в землю, впились несколько твердых колючек, похожих на крохотные водяные орехи с торчащими во все стороны шипами.

Товарищи, уже испробовавшие это свойство гобийской земли, разразились сочувственными восклицаниями. Проводник Цедендамба, крупный, здоровенный, похожий на кузнеца человек, рассмеялся, размахивая могучими руками, совсем нетипичными для аратов. Даже Пронин, казалось уснувший, вдруг поднял с руки голову и сверкнул синеватыми белками больших карих глаз в широкой и застенчивой улыбке. Я скоро научился ложиться на гобийскую почву, как четвероногое, опускаясь поочередно сначала на колени, на локти и потом уже вытягиваясь на земле.

Дорога дальше пошла по узким долинам среди мелкосопочника. Пестрые конические холмы с темными вершинками были испятнаны серым, зеленоватым и бурым, и горы производили впечатление заплесневевшей, разрушенной и обветшавшей земли. Ничего не росло на этой рыхлой бесплодной почве, только у самого водостока долинки возвышались круглые кочки, плотно поросшие гобийским миндалем – кустами с необыкновенно темной зеленью и адскими шипами.

Грядки голого камня, глин с солевыми выцветами и песком чередовались на дороге. Машины шли медленно и тяжело. Зной и духота, едкая пыль царили в этих заплесневелых горах.

Перегретый мотор тянул плохо, наполнял жаром кабину, палимую сверху беспощадным солнцем. Пот тек по лицу, заливая глаза. В середине дня, когда солнце высоко, мелкие ямки и ухабы, как и вообще все неровности в Гоби, становятся плохо видимыми. И сейчас пыльная дорога не различалась среди занесенных пылью и песком подножий холмов, между которыми она причудливо извивалась, то огибая их по склонам, то пересекая прямо через вершинки, то спускаясь по дну мелких русел.

По мере приближения к Ноян сомону местность становилась все более примечательной. Большие сухие русла врезывались в ущелья среди совершенно голых гор, не прикрытых даже дресвой разрушения. Камень был обдут ветрами и сглажен, конусы и купола толпились беспорядочно и тесно, желтые шлейфы надутых песков всползали на склоны из большой равнины к северу от горного массива. Автомобильный накат с удивительной отвагой проникал через узкие щели в сплошном камне. Машины бросало и кренило на торчащих ребрах гранитных плит и скалах глыб. Взобравшись на один из таких перевалов, мы увидели крутой спуск в промоину, сплошь заваленную остроугольными глыбами. Тут даже наши выдавшие виды экспедиционные шоферы стали качать головами. Но шедший впереди Пронин вновь уселся в кабину, и его полупорка буквально сползла в страшную щель. Андросов смешно вытаращился и озорно поглядывал сбоку на меня с видом преувеличенного испуга. Колеса поползли, упираясь в борта промоины, острые камни скрежетали, оседая под тяжестью машины, но резина с честью выдержала это испытание.

Еще один перевал, и мы опять очутились на голом камне. Удивительный массив плотных кварц-порфиров густого красного цвета находился налево от нас на уровне перевального гребня. Поверхность красного порфира выступала особенно резко на ярко-голубом небе. Прямо на гребне обрисовалась наша громадная трехоска. Дверцы кабины были распахнуты и казались широкими крыльями, раскинутыми для взлета. Массивная стальная балка буфера сильно выдавалась вперед, ее грани и углы блестели, отполированные ветром и песком. С приклепанных к балке круто загнутых крючьев свисала тяжелая цепь... Дикий хаос голых красных

скал, а над ним – поднятая в самое небо могучая машина показалась мне символом человеческой мощи.

Внизу, в окаймлявшем массив сухом русле, толстые черные жилы основных пород рассекали красный порфир. По ущелью вскрывались породы палеозойского возраста – темные, почти черные песчаники и углистые сланцы, рассеченные висячими долинками и превращенные в крутые куполовидные холмы. На вершинах этих холмов была отчетливо видна желто-красная кора выветривания, достигавшая до пятидесяти метров толщины, или, как говорят геологи, мощности. Это означало что темные породы палеозоя долгое время находились на поверхности древней азиатской суши. Атмосферные процессы, солнце и температурные воздействия проникли глубоко в скалистую толщу, изменив прежний вид пород. Лишь два года спустя мы узнали, что это выветривание происходило в нижнемеловую эпоху, то есть около семидесяти пяти миллионов лет назад.

Едва только мы выехали из ущелья и повернули направо, впереди внезапно открылся Ноян сомон – немного юрт, склады, клуб и большая школа. Сомон оказался в это время полон народу. Немедленно машины окружила плотная толпа. Дети выскочили из школы и также подбежали к нам.

Ноян сомон стоит в необычайно живописной местности на небольшой плоскости, окруженной, словно часовыми, скалистыми черными вершинами. Пирамидальные останцы, необыкновенные гребнистые своды, пильчато-иззубренные вершины торчали над сомоном, а поодаль виднелись столь правильной формы конусы, что мы сразу же заподозрили в них потухшие вулканы. Мы были приглашены в юрту к сомонному начальнику дарге, которому объяснили цель нашей экспедиции. Здесь собралась группа местной интеллигенции, среди которой оказался московский студент-юрист (конечно, тоже монгол). присланный для практики в качестве помощника прокурора.

В ту пору, в первую экспедицию, Ноян сомон – самый южный и удаленный из сомонов Южнгобийского аймака, показался нам краем Монголии и чуть ли не краем света.

Сошлись старики. Данзан и Цедендамба долго совещались с ними, но проводника, хорошо знающего Нэмэгэту не нашлось. Цедендамба предложил найти его непосредственно в Нэмэгэтинской котловине, для того чтобы вернее и скорее разыскать наиболее богатое «костями дракона» место.

В сомоне было тесно, и мы решили проехать дальше, чтобы заночевать на свободе и в покое от любопытных, которых, конечно, было множество, в том числе и девушек отпущавших какие-то непонятные нам шутки и смущавших этим скромного Данзана. Еще тридцать километров автомобильного наката оставалось нам проехать – дальше шло неведомое бездорожье.

Погода резко изменилась еще перед въездом в сомон. Хмурые тучи повисли над черными конусами гор, засвистел холодный ветер. Мы обогнули продолговатую черную гору, гребнистую, как спина чудовища, и пошли на запад под вихрем неожиданно налетевшего снега. Этот внезапный переход от дневной жары к вечернему снегу поразил меня, и я с недоумением всматривался в летящие навстречу машине и крутящиеся повсюду снежинки. Вызывающе мрачным и темным стало все кругом, густой черный цвет гор еще более усиливал ощущение одиночества и угрюмости.

Но не успели мы проехать нескольких километров, как снег перестал идти и на безоблачном небе снова засияло солнце, а снежная белизна на земле просуществовала не более четверти часа, бесследно испарившись.

Необыкновенно величественной показалась мне гора с юга – мрачная и тяжелая, почти кубическая глыба из исполинских пластов, которые наваливались, плющились, громоздились друг на друга и, казалось, лезли к небу в слепом старании подняться выше. Рядом стояли еще две такие же глыбы какой-то очень грубой титанической формы, словно обрубленные топором.

Эти горы назывались «Три Чиновника». Удивительно чистое после снега голубое небо бросало яркий свет на обнаженные остроребрые скалы, покрытые блестящей черной корой пустынного загара, как будто облитые свежей смолой и отблескивавшие в лучах солнца тысячами черных зеркал. От этих зеркал отражалась дымка жемчужного света, окутавшая срезанные вершины. Снизу горы обрамлялись тускло-черным фоном задернованных осыпей. Никаких признаков жизни, даже заметной растительности не было видно вокруг.

Мы поднялись на небольшой перевал. Впереди расстилалась волнистая равнина – размытая центральная часть складки, обрамленная с юга горами «Три Чиновника», с севера – хребтом Хана-Хере («Стена, гребень»). Равнина полого поднималась к западу. Там стоял огромный вулканический конус – гора Ноян-Богдо («Святой князь»).

С восточной стороны гора казалась срезанной по вершине и немного вкось по северному склону. По-видимому, там находился кратер. Когда мы подъехали к Ноян-Богдо с юга, приблизившись вплотную к ее подошве, то отсюда гора показалась совершенно правильным конусом с красиво закругленной верхушкой. Громов, Данзан и я поднялись по склону.

– Сколько базальтов кругом, – с довольной улыбкой оглянулся Громов.

– Это долериты, Иван Антонович? – спросил Данзан и, получив утвердительный ответ, задумался. Выяснилось, что геолог давно лелеет мечту написать большую работу о базальтах Монголии.

– В нашей стране так много базальтов. Настоящие вулканы возвышаются в плоских степях Дариганги («Крутой обрыв») в Восточной Гоби. В Хентее обнаружены недавно действовавшие вулканы. Огромные базальтовые поля простираются в долине озер, около Орокнура и в Арахангае («Северный Хангай») – следы сильной вулканической деятельности. И здесь, взгляните! – Данзан повел рукой обводя, все скопище черных холмов и гребней.

Ноян-Богдо, как и другие замеченные здесь вулканические конусы, располагался вдоль оси гигантской складки, в которую были смяты пласты горных пород. Конусы сидели не на самой оси, а смещались к северу от наклона складки. Все выходявшие здесь породы были совершенно открыты на поверхности – стопроцентная обнаженность, как выразился бы геолог. Земля как бы сама выставляла свои недра напоказ внимательному взгляду ученого, и подробное изучение местности сулило самые интересные открытия.

За вулканом Ноян-Богдо предстояло свернуть с автомобильного наката на полное бездорожье. Мы перебрались через небольшой хребет песчаниковых скал, похожих на ряды чьих-то смуглых скуластых лиц, и приблизились к хребту Хана-Хере, удивительно походившему на чудовищную стену, сложенную из исполинских глыб.

Несомненно, здесь проходил огромный и очень недавний сброс, который поднял эту стену над узкой долиной, а силы разрушения еще не успели расчленить хребет на ряд отдельных вершин, разрезав его поперечными долинами и ущельями. Разрушающие силы выветривания проявили себя еще только на гребне хребта – там размытая поверхность песчаников образовала бесчисленные зубцы, торчащие в небо гигантские пальцы, башенки, головы.

Казалось, что с высоты стены на нас заглядывают, кривясь, какие-то рожи. Иногда клювы хищных птиц выступали с края исполинской стены, а вдали, уже окутанное синей вечерней дымкой, продолжение хребта, очень похожее на спину чудовищного крокодила, покрытую загнутыми назад шипами. При всем том Хана-Хере не был покрыт такой блестящей черной коркой, как скалы «Трех Чиновников». Подтвердился рассказ проводника Цедендамбы о существовании в этом хребте гигантских зеркал скольжения, «отражавших всадника с конем».

Отвесный обрыв хребта во всю свою длину, вплоть до утопавших в синей дымке вечера дальних концов, казался матовым и серовато-желтым. Только в защищенных от прямого удара ветров изломах скалистых круч бурые, почти черные полированные поверхности двухметровых зеркал скольжения четко выделялись на изрытых стенах песчаников. Странно было смотреть на собственное отражение в этом горном зеркале. Блестящая, с красными бликами вечер-

него солнца поверхность уходила бесконечно далеко в глубь каменного массива, а отражение как бы выступало вперед четким, бестелесным призраком. Сразу же приходили на память уральские горные сказы о тайных горных проходах, термах «хозяек», открывавшихся только немногим людям. Несколько минут я стоял забывшись перед призрачной дверью внутрь скал, поддаваясь странной тяге к таинственному коридору. Он вел, казалось, не только в глубину каменных масс земной коры, но и в бездны прошедших времен невообразимой длительности. Затаив дыхание, будто заглянув в запретное, я представил себе изменения лика Земли в ее геологической истории, записанной в слоях горных пород, но не в более древней астрономической, свидетельства которой скрыты в недоступных еще для нас глубинах планеты.

Слои осадочных пород, начавшие отлагаться со времени образования жидкой воды – Мирового океана, много раз подвергались необратимым изменениям. Незначительных молекулярных изменений вещества в глубинах Земли было достаточно для крупных, на наш человеческий масштаб, колебаний земной коры. Опущенные на несколько километров вглубь осадочные породы – песчаники, глины, известняки – от давления и нагрева превращались в кристаллические породы, по составу подобные гранитам, но сохранившие слоистость. Эти породы – гнейсы и метаморфические («превращенные») сланцы – слагают наиболее древний цоколь земной коры. Слои в них измяты, гофрированы и перекручены сильнейшим образом, свидетельствуя о передвижениях текучих масс. Свилеватость перемешанных в расплавленных стеклах красок является хорошей моделью расположения слоев в этих древних породах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.